

Памяти Матушки Георгии (Лидии Владимировны Каледы-Амбарцумовой)

11 июня на 89 году жизни в Москве отошла ко Господу насельница Зачатьевского ставропигиального женского монастыря монахиня Георгия (Лидия Владимировна Каледа), дочь священномученика Владимира Амбарцумова, расстрелянного в Бутове 5 ноября 1937 года, вдова профессора протоиерея Глеба Каледы. У неё было 6 детей, 17 внуков, 21 правнук. Среди её детей игуменья монастыря, два настоятеля московских храмов, матушка священника, геолог, врач-психиатр д.м.н. профессор ПСТГУ.

Отец Глеб Каледа — участник Великой Отечественной войны, профессор, доктор геолого-минералогических наук. В 1972 году Г.Каледа был тайно рукоположен в священники. В 1990 году стал протоиереем, вышел на открытое служение и был настоятелем храма в Бутырской тюрьме. Мать К.Каледы Лидия - дочь священномученика Владимира Амбарцумова, расстрелянного в Бутове 5 ноября 1937 года. Тесная сподвижница отца Глеба Каледы матушка Лидия помогала ему в несении тайного служения священника.

Публикуем отрывки из воспоминаний матушки Георгии.

Ночь 1937-го

Сколько помню, в заветном уголке сознания теплилось высокое и сокровенное:

мой папа – священник! Священник, а значит, и он – воин Христов, и он – в светлых ризах с именем Божиим на устах идет ради Него на жизнь и на смерть.

В том, 1937 году каждый день дышал предвестием беды. Первый стук в дверь, разбудивший нас уже после полуночи, застал нас врасплох. Облачение сложили на стол, папе под роспись предъявили ордер, и начался обыск. В лампе, прятал папа ►

антиминс. На столе росла гора отобранных вещей: бумаг, фотографий, писем, книг, молитвенников.

Папу стали собирать в дорогу. Тяжело было видеть эти сборы: в хрустящую наволочку складывали всё необходимое, всё заранее припасенное и приготовленное, и только ждущее своего страшного часа: белье, теплые носки, зубную щетку. Смущенно улыбаясь, обнял нас папа и долго не отпускал. Шипя тормозами, к платформе подбежала электричка. Папа помахал нам рукой напоследок, перекрестил... Электричка коротко свистнула и, набирая скорость, прошла мимо нас. В последний раз, освещенное тусклым тамбурным светом, мелькнуло за мутным стеклом папино лицо, и поезд унесся в ночь, унося в Вечность нашего папу. Кончилось мое детство. Потекла грустная, безрадостная жизнь.

В 1951 году Лида Амбарцумова вышла замуж за духовного сына отца Владимира Амбарцумова – ветерана Великой Отечественной войны геолога Глеба Каледу.

В конце девяностого года вышел о. Глеб на открытое служение. Бросил всё: и любимую геологию, и нефтяной свой институт, и экспедиции в Среднюю Азию. Новые силы дал ему тогда Господь. Как он успевал только все дела свои делать? Службы, требы, окормление заключенных, вопросы катехизации. В 1994-м не стало отца Глеба. Для ребят - страшная потеря: любили и уважали отца они необыкновенно.

Год 2000-й... «Ужасный и славный». Совсем недавно прочитала я такие удивительные слова: «Крест неотделим от славы. Преображение не бывает без страданий. Пасхальный дух вырастает из духа Голгофы».

Моей Голгофой была смерть моих детей. Это произошло в ночь на 24-е июля.

Сережа с Аней были на даче, под Можайском. Что-то сломалось в их «Жигуленке», не уехать, и они позвонили детям, Феде и Пете, чтобы те, приехав на Петинной машине, взяли их на буксир. Тихо катились две связанные машины по пустынному шоссе, когда в два часа ночи мирный их караван настигла фура, в которой заснул водитель. Страшный удар бросил заднюю машину, с ехавшими в ней родителями, на машину сыновей. Часам к семи утра Федя и Петя, на разбитой машине, обгоревшие, добрались до Москвы, - и сразу к тете, в Зачатьевский монастырь. Стучались в на-

стоятельный корпус. - Что случилось?

- Родители погибли... В тот день Господь собрал всех вместе. Удивительно, ведь был разгар лета, дачный сезон.

Сама я в тот день была в Бутово. Уже собиралась к обедне, когда стали меня вдруг обступать наши близкие и друзья. И только твердят: «Матушка! Матушка!». Подходит о. Кирилл, а я вижу, что на нем лица нет: «Мам, мужайся. Сережа с Аней погибли».

Села, закрыв лицо руками, и с двух сторон обняли меня сыновья: две руки в поручах лежали на моих коленях, Отпевали соборно. Людей пришло так много, ►

что в храме все не поместились, и отпевали перед храмом. На крыльце, с хоругвями, стояли в стихарях сыновья Сережи и Ани. Стихари были их - Сережи и Ани - работы.

Я много плакала о моем папе: так жутко, так несправедливо был вырван он из нашей жизни. Отец Глеб умирал естественно. Много страдал, терял силы, и было бы странно молить о продлении его жизни, то есть молить, по существу, о продолжении его страданий. А дети ушли мгновенно. Это очень трудно принять. «Не всегда легко сказать: да будет Воля Твоя» - так писал папе кто-то из его друзей на смерть мамы Вали.

«Пасхальный дух вырастает из духа Голгофы». Не прошло и сорока дней после смерти детей, как позвонил мне о. Владимир Воробьев и сообщил, что моего папу,

о. Владимира, на Освященном Архиерейском Соборе канонизировали.

Вот потому и ведет меня сегодня моя дочка, матушка Иулиания, в Храм Христа Спасителя, где за торжественным богослужением прославят новых святых. На сугубой ектении зауспокойные прошения, и архидиакон провозгласил «Вечную память» всем убиенным и замученным в XX веке. Многие плачут. Святейший Патриарх взошел на свою кафедру посреди храма, и Митрополит Ювеналий зачитал постановление Собора. Не передать словами то волнение, ту радость, что охватили всех нас, молящихся.

Перед Причастием матушка ведет меня приложиться к иконе Новомучеников. Я знаю, где там образ моего отца, но ничего не вижу. Наступили новые отношения с отцом. В первые века христианства пострадавшие и убиенные за Христа сразу становились мучениками. Теперь иначе. Наш папа и ранее воспринимался как мученик. Но келейно. Сама я всегда верила, что папа, пострадав за Христа, будет предстоять Его Святому Престолу. А в редкие минуты, если и закрадывалось вдруг сомнение, доставала я старое письмо, написанное мне давным-давно Николаем Евграфовичем Пестовым: «Память о твоём Папе у меня глубоко в сердце: при жизни он был для меня одним из самых близких по духу и дорогих для души людей, а теперь он сияет мне из Вечности, как сияют многие из великих христиан трех первых веков нашей эры... Тогда семьи подобных твоему Папе считали себя счастливыми, имея близких покровителей в Царствии Небесном»...

А теперь он прославлен всей полнотой Православной Церкви. **«Радуйся, священномучениче, отче мой, Владимире, во Царствии Небесном венцем нетленным увенчанный!»**

Евангельское чтение

Исцеление слуги капернаумского сотника (Мф. 8:5-13)

Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его:

Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает.

Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его.

Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает.

Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры.

Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.

И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час.

Толкование на Евангельское чтение

Архиепископ Аверкий (Таушев)

Сотник послал к Иисусу сначала иудейских старейшин с просьбой прийти и исцелить его слугу. Затем послал он своих друзей, после чего, как описывает св. Матфей, и сам вышел навстречу подходившему к его дому Господу. В словах его *«Не трудись, Господи! Ибо я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным прийти к тебе; но скажи слово и выздоровеет слуга мой»* (Луки 7:6-7) звучит столь необычная для язычника вера и смирение, что Господь, как передают оба Евангелиста, «удивился» и счел необходимым подчеркнуть эту веру перед всеми окружавшими их, что такой веры Он не нашел даже у самих представителей избранного народа Божья — у израильтян.

Далее, как рассказывает уже один только св. Матфей, Господь, опровергая мнение евреев, будто только они одни могут быть членами Царства Мессии, предрекает, что многие из язычников «с востока и запада» окажутся достойными, вместе с ветхозаветными

праотцами, наследовать это Царство, в то время как «сыны царства», то есть евреи, за свое неверие в пришедшего Мессию будут извержены во тьму кромешную, где *«будет плач и скрежет зубов»* (Матф. 8:12). В этих словах Господа, как и во многих других Его речах и притчах, Царство Небесное представляется под образом вечери, или пира, за которым на Востоке не сидели, а возлежали. Чем-либо провинившихся гостей вывели из комнаты, где проходила вечеря, во внешнюю (кромешную) тьму, на холод, который противопоставляется теплой и светлой комнате, и изгнанные скрежетали зубами от холода и досады; образ этот, понятный всем, взят для того, чтобы нагляднее представить вечные мучения грешников в аду. Вера и смирение сотника были тут же вознаграждены: слуга его выздоровел в тот час, как только Господь произнес: *«Иди, и, как ты веровал, да будет тебе»* (Матф. 8:13)

Архиепископ Аверкий Таушев.

Толкование на Четвероевангелие. М., 2007.

Молитва: Умиление и слезы

Митрополит Иларион (Алфеев)

Хотел бы сказать несколько слов о том духовном и эмоциональном состоянии, которые испытывают люди в молитве. Вспомним известное стихотворение Лермонтова:

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

В этих прекрасных простых словах великий поэт описал то, что очень часто происходит с людьми во время молитвы. Человек повторяет слова молитв, — может быть, знакомые с детства, — и вдруг чувствует, как наступает какое-то просветление, облегчение, появляются слезы. На церковном языке это состояние называется умилением. Это то состояние, которое даруется иногда человеку во время молитвы, когда он острее и сильнее, чем обычно, ощущает присутствие Божие. Это состояние духовное, когда благодать Божия непосредственно касается нашего сердца.

Вспомним отрывок из автобиографической книги Ивана Бунина «Жизнь Арсеньева», где Бунин описывает свои юношеские годы и то, как, будучи еще гимназистом, он посещал богослужения в приходской церкви Воздвижения Господня. Он описывает начало всенощной, в полумраке церкви, когда еще совсем немного людей: «Как все это волнует меня. Я еще мальчик, подросток, но ведь

я родился с чувством всего этого. Столько раз слушал я эти возгласы и непременно за ними следующее “аминь”, что все это стало как бы частью моей души, и она теперь, уже заранее угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубой родственной готовностью. “Приидите, поклонимся... Благослови душе моя Господа”, — слышу я, и у меня застилает глаза слезами, ибо я уже твердо знаю теперь, что прекраснее и выше всего этого нет и не может быть ничего на земле. И течет, течет святая мистерия, закрываются и открываются Царские врата, озаряются ярче и теплее своды церкви многими свечами”. И дальше Бунин пишет о том, что ему приходилось посещать множество западных храмов, где звучал орган, бывать в готических соборах, прекрасных по своей архитектуре, “но нигде и никогда, — говорит он, — не плакал я так, как в церковке Воздвижения в эти темные и глухие вечера”.

Не только великие поэты и писатели отзываются на то благодатное воздействие, с которым неизбежно связано посещение церкви. Это может испытать на себе каждый человек. Очень важно, чтобы душа наша была открыта к этим чувствам, чтобы, приходя в храм, мы были готовы принять благодать Божию в той мере, в какой она нам будет дана. Если же состояние благодати нам не дается и умиление не приходит, не нужно этим смущаться. Это означает, что душа наша не созрела до умиления. Но минуты подобного просветления — знак того, что молитва наша не бесплодна. Они свидетельствуют о том, что Бог отзывается на нашу молитву и благодать Божия касается нашего сердца.

*Игумен Иларион (Алфеев). О молитве.
Фонд «Христианская жизнь», Клин, 2001*

О бесстыдстве и неуважении

Старец Паисий Святогорец

— Если младшие делают замечание старшим, это плохо?

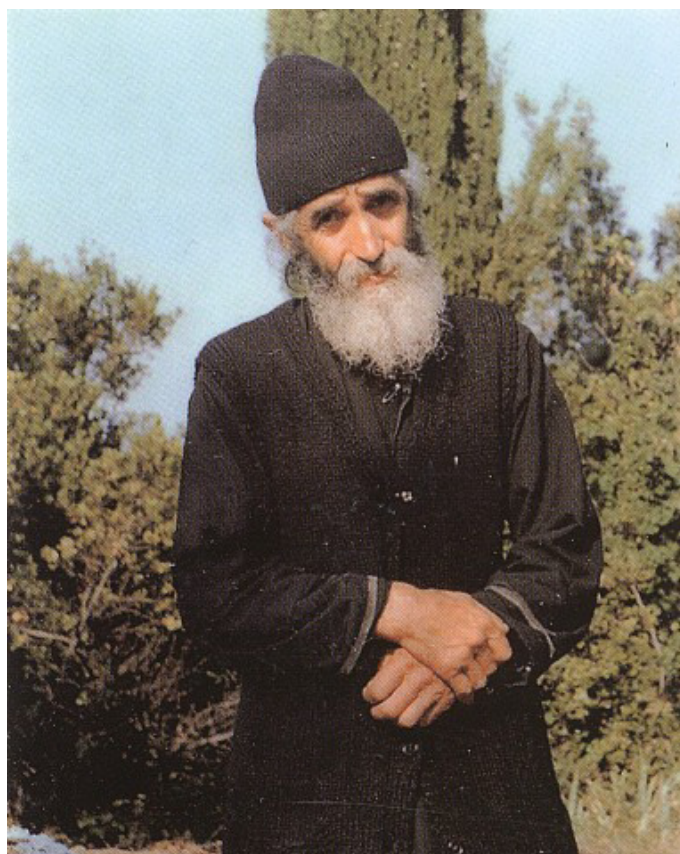
— Это типикон нового поколения. Но в Священном Писании написано: «Обличи брата твоего». «Обличи отца твоего» там не написано. Нынешняя молодежь спорит, бунтует, сама не понимая этого. Свое поведение они считают естественным. Они разговаривают с бесстыдством, а потом говорят: «Я сказал это просто так». Молодежь попала под воздействие духа мира сего – развинченного, хулиганского духа, который ничего не чтит и не уважает.

Младшие ведут себя по отношению к старшим без уважения и не понимают, насколько это плохо. Что можно ждать хорошего, если молодой человек якобы для того, чтобы быть яркой индивидуальностью, говорит, что уважение к старшим свой век отжило? Необходимо много внимание. Современный мирской дух внушает молодежи: «Не слушайте родителей, учителей». Поэтому нынешние дети с самого малого возраста становятся всё хуже и хуже. А больше всего портятся те дети, родители которых, не понимая того зла, которое они им делают, восхищаются своими чадами и считают их какими-нибудь там «вундеркиндами», когда те разговаривают с бесстыдством.

Как-то раз ко мне в каливу пришел отец с сыном лет восьми-девяти и племянником того же возраста. Одного мальчугана я посадил справа, а другого слева от себя. А незадолго до них ко мне пришел один знакомый художник, очень хороший человек и мастер своего дела – за одну минуту может нарисовать портрет с натуры. «Дионисий, – попросил я его, – нарисуй-ка детей, вот как мы сейчас с ними вместе сидим». – «Сейчас

попробую, – ответил он, – но не знаю, удастся ли мне это, потому что они вертятся».

Едва только он взял лист бумаги и начал рисовать, как один ребенок вскочил и «уважил» его: «Сейчас посмотрим, придурок, что ты там нарисуешь!». А вокруг полно народу! Но молодой человек несколько не смутился. «Таковы, отче, нынешние дети», – сказал он мне и продолжил рисование. У меня же кровь ударила в голову! А отец ребенка

вел себя так, словно ничего не произошло!

Твои дети так хамят тридцатилетнему человеку, который их же еще и рисует в придачу! Сколько же в этом бесстыдства и неуважения! Сколько всего еще кроме этого! Как же это страшно! И вот представь теперь, что кто-то из этих детей захочет стать монахом. Для того, чтобы такой ребенок стал настоящим монахом, необходимо много работы. Матери, не следя за ►

своими детьми, их разрушают. Вся основа в матерях. В России если что-то и изменилось, то лишь потому, что матери тайно удержали веру, благоговение и помогли своим детям. К счастью для нас, в христианских семьях сохранилось немного закваски. Иначе бы мы погибли.

Мало-помалу уважение совершенно сходит на нет. Ко мне в каливу приходят молодые ребята, и большинство из них сидят нога на ногу, а старым людям некуда присесть. А другие, видя чуть подалеже свободные пеньки для сидения, ленятся пройти два шага, перенести их поближе и сесть. Я сам должен ворочать для них эти пеньки. И даже видя, как я их нес, они не подойдут и не возьмут их у меня. Хотят попить воды, но сами не хотят пройти нескольких метров, чтобы ее зачерпнуть. Я сам должен принести им и по второй кружке.

Нет, правда, меня поражает: приходят группы по тридцать здоровенных парней, глядят на то, как я, ковыляя, нес большую коробку лукама, бидон с водой, кружки, чтобы их же и напоить, но ни один из них даже не шелохнется, чтобы мне помочь. А пропахший порохом генерал-майор, сидящий рядом с ними, встает и спешит мне на помощь! Молодежь думает, что в афонской каливе к ним тоже подойдет официант и обслужит их – подобно тому, как он подходит где-нибудь в ресторане или в гостинице. Раз пять-шесть я даже проделал такую штуку: шел с бидоном, с трудом ковылял, приносил им воду и выливал ее на землю у них перед носом! «Воды-то, парни, я вам принести могу, – говорил я им, – да только она вам не на пользу пойдет!»

В городском транспорте видишь, как дети сидят, а пожилые люди стоят. Молодые сидят нога на ногу, а взрослые люди поднимаются, чтобы уступить место старикам. Молодые свои места не уступают.

«Это место, – говорят, – мною оплачено». Сидят и ни на кого не обращают внимания. А какой дух был в прежние времена! По обеим сторонам узеньких улочек сидели женщины, и когда мимо проходил священник или пожилой человек, они вставали. И детей своих тоже приучали к этому.

Сколь же часто я прихожу в негодование! Приходится видеть, как беседуют пожилые, степенные, заслуженные люди, а молодые наглецы беззастенчиво вмешиваются в разговор, прерывают его, несут всякую чушь и еще считают это достижением. Делаю знак, чтобы они прекратили, но те не обращают на это никакого внимания. Для того, чтобы остановить, приходится выставлять их на посмешище – иначе будут продолжать свое. Ни в каком Отечнике или Патерике не написано, чтобы молодые люди подобным образом разговаривали со старшими.

В Отечнике написано: «рече старец», а не «рече юнец». В старое время младшие молчали в присутствии старших и радовались, что молчали. Они даже не садились там, где сидели старшие. Юные той эпохи отличались застенчивостью, скромностью, благоговением, говоря со старшими, они заливались румянцем. А уж если бы кто-то из детей того времени нагрубил родителям, то он от стыда и на базаре не смел бы появиться! А на Святой Горе монах не участвовал в хоровом торжественном пении, если его борода еще не была седой. А сейчас видишь, как в хоры собираются и послушники, и кандидаты в послушники... Ладно, что делать – но пусть, по крайней мере, выучатся вести себя с уважением к старшим и с благоговением.

Печатается по изданию:

Паусий Святогорец. Слова, Том 1.

Москва, издательство «Святая гора», 2005 г.

Притча о гвоздях и обидах

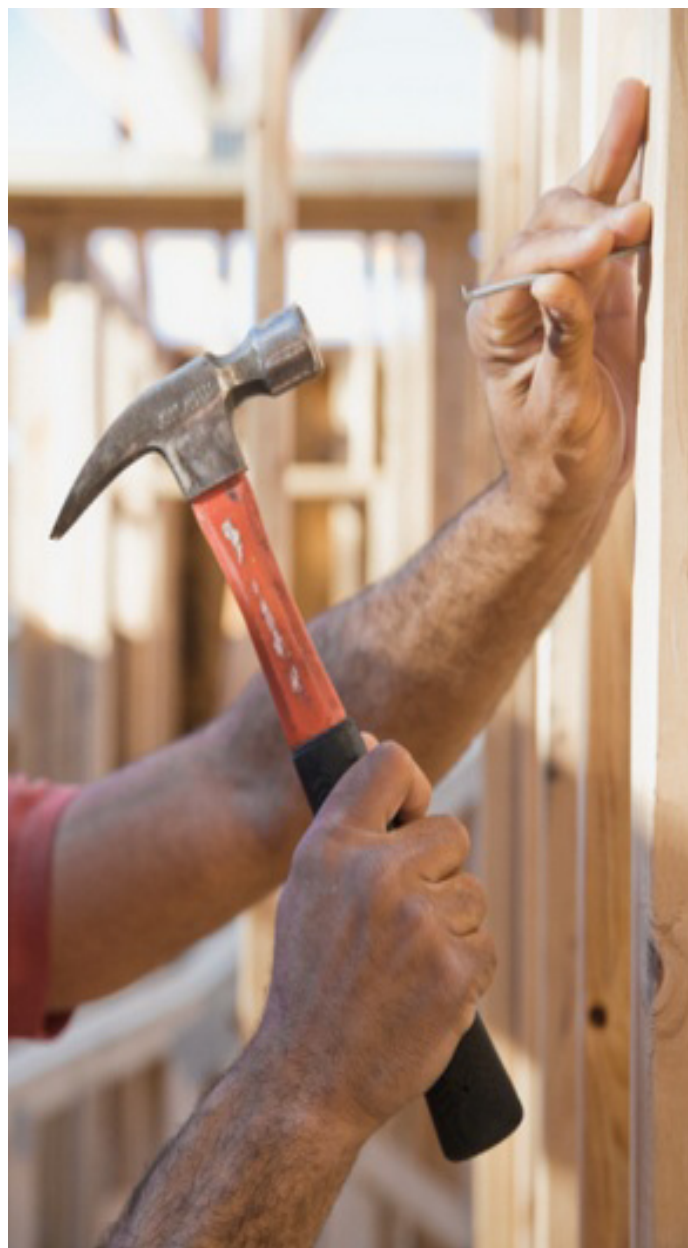
Жил-был один очень вспыльчивый и несдержанный молодой человек. И вот однажды его отец дал ему мешочек с гвоздями и наказал каждый раз, когда он не сдержит своего гнева, вбить один гвоздь в столб забора.

В первый день в столбе было несколько десятков гвоздей. На другой неделе он научился сдерживать свой гнев, и с каждым днём число забиваемых в столб гвоздей стало уменьшаться. Юноша понял, что легче контролировать свой темперамент, чем вбивать гвозди.

Наконец пришёл день, когда он ни разу не потерял самообладания. Он рассказал об этом своему отцу и тот сказал, что на сей раз каждый день, когда сыну удастся сдержаться, он может вытащить из столба по одному гвоздю.

Шло время, и пришёл день, когда он мог сообщить отцу о том, что в столбе не осталось ни одного гвоздя. Тогда отец взял сына за руку и подвёл к забору:

— Ты неплохо справился, но ты видишь, сколько в столбе дыр? Он уже никогда не будет таким как прежде. Когда говоришь человеку что-нибудь злое, у него остаётся такой же шрам, как и эти дыры. И неважно, сколько раз после этого ты извинишься — шрам останется.

Подготовлено совместно с
Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви

«Православие и мир» — ежедневно о том, как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *М.Абушкина, А.Данилова*
Макет, верстка: *С.Амиантов*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru